

ДИСКУССИЯ

А. А. АЛЕКСЕЕВ

Кое-что о переводах в Древней Руси

(по поводу статьи Фр. Дж. Томсона «Made in Russia»)

Among all forms of mistake prophecy is the most gratuitous.

George Eliot

В течение многих лет профессор Франсис Дж. Томсон работает над каталогом славянских переводов, который должен быть выполнен на тех же принципах и тех же основаниях, что каталог М. Geerard'a «*Clavis patrum graecorum*».¹ Вести такую работу за пределами славянского мира (проф. Томсон живет в Брюсселе), при невозможности пользоваться рукописями, особенно трудно, поскольку на сегодня издана сравнительно небольшая часть славянского письменного наследия, а существующие описания рукописных собраний неполны и не всегда точны. Степень научной обработанности славянского материала ниже, чем изученность греческих источников, по многим вопросам существуют разные и нередко взаимоисключающие точки зрения.

В ходе этой работы автору, естественно, пришлось столкнуться с вопросом о восточнославянских переводах, выполненных в Киевской Руси. Для своего каталога он мог ограничиться констатацией существующего положения дел и дать перечень взглядов по каждому из затронутых текстов либо же предложить новый подход, который бы внес ясность в сложную проблематику. Он выбрал второй путь и, как Александр Великий, одним ударом разрубил Гордиев узел, над которым билось не одно поколение славистов: никаких переводов в Киевской Руси сделано не было.

Исключительная творческая продуктивность Фр. Томсона в последнее десятилетие принесла ему заслуженную известность в кругах славистов. В той среде, которая интересуется историей и культурой славян, но сама не имеет доступа к славяноязычным источникам и научной литературе о них, его мнения пользуются авторитетом. Поэтому приходится со всей серьезностью относиться к его утверждениям, независимо от оценки их научного достоинства. Безусловно, вопрос о переводных текстах, которые могли быть изготовлены восточными славянами в первые два-три столетия письменности на Руси, далеко не прост и совершенно недостаточно разъяснен в нашей

¹ См. предварительное сообщение об этой работе: Thomson F. J. A Guide to Slavonic Translations from Greek down to the End of the XIVth Century // Славянска палеография и дипломатика. София, 1980. С. 27—36.

науке, чтобы не воспользоваться случаем для нового к нему обращения. Этим и объясняется настоящий пространный разбор статьи Фр. Томсона «Made in Russia».²

А. И. Соболевский был безукоризненно академический ученый, а к тому же и счастливый начинатель в славистике новых тем и направлений. Он заложил основы исторической диалектологии восточнославянских языков, первым начал изучение церковнославянской стихотворной поэзии, текстов моравского происхождения. Точно так же он первым обратил серьезное внимание на восточнославянские переводы начального периода письменности на Руси. Что переводы осуществлялись на славянском юге, было очевидно, новостью казалось то, что можно выделить комплекс восточнославянских переводов. Доклад А. И. Соболевского на Археологическом съезде в 1893 г.³ ставил новые задачи, но, разумеется, не решал их. С сожалением нужно признать, что за прошедшие сто лет намеченный А. И. Соболевским список возможных восточнославянских переводов был обследован далеко не полностью. Этому в первую очередь помешали неблагоприятные общественные условия, в которых находилась русская наука о славянских древностях после революции. Сказалось также разделение филологии на литературоведение и лингвистику, что способствовало перенесению центра тяжести историко-литературных исследований в область оригинальной восточнославянской письменности. Однако преобладание научного интереса к оригинальной литературе легко объяснимо. Именно ее расцветом в Древней Руси объясняются высокие или даже завышенные оценки древнерусской книжной культуры. В системе такого рода представлений оригинальное творчество пользуется более высоким престижем, чем перевод и усвоение иной культуры. С оценочным противопоставлением оригинального творчества и процессов заимствования соглашаться, конечно, не следует. Нормальное развитие культуры в условиях изоляции невозможно, а всякое культурное процветание всегда является результатом взаимодействия культур. Изоляция для общества столь же губительна, как и для отдельно взятой личности.

Преобладание внимания в отечественной науке к оригинальной восточнославянской письменности привело к определенному искажению общих культурных пропорций Древней Руси: тот христианский фон, который составлялся прежде всего из переводов, выполненных у южных славян, оказался написан слишком обобщенно, невыразительно. Между тем христианство в качестве исторического феномена имеет не только специфически присущие ему византийские формы, у славян ему были приданы также некоторые местные особенности. Являясь наднациональной религией, в своих проявлениях христианство тесно связано и с языком, и с социальной структурой всякой исторически существующей общины. Поэтому история *древнерусской литературы* может быть хорошо написана только после истории *богословской литературы в Древней Руси* или по крайней мере вместе с нею.

Кроме того, мы теперь гораздо лучше понимаем, что оригинальное творчество той эпохи основано было на принципе литературной компиляции,

² Thomson F. J. «Made in Russia»: A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia // Millennium Russiae Christianae: Tausend Jahre Christliches Rußland, 988—1988. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1993. P. 295—354. Далее ссылки (с указанием страниц) в тексте.

³ Соболевский А. Особенности русских переводов домонгольского периода // Тр. девятого Археологического съезда в Вильне. М., 1897. С. 53—61. С некоторыми переменами перепечатано: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, затем без перемен в книге: Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.

на манипулировании готовыми идеями, образами, фразеологизмами. «Технологией» авторского дела определялись и формы этикетного стиля, и тысячелетняя незыблемость норм литературной речи.

Но научное значение список А. И. Соболевского сохраняет до сих пор не только потому, что многие из включенных в него произведений все еще не изучены. Большой интерес представляют отдельные суждения ученого, основанные на прекрасной осведомленности в вопросах истории славянской письменности и источниковедения. Акад. Б. М. Ляпунов писал после его смерти: «Метод его исследований рукописного материала был таков, что его нельзя рекомендовать ученому средних способностей, который только путем детального исследования небольшого по объему материала может дать что-нибудь ценное для науки. Работать плодотворно по методу А. И. Соболевского, сразу овладевавшего огромным количеством материала и умевшего быстро найти в нем самое существенное и сделать важные для науки открытия, мог только ученый, соединявший в себе редкий дар анализа и синтеза вместе».⁴ В дальнейшем из названных А. И. Соболевским текстов были с большей или меньшей полнотой изучены Студийский устав, Христианская космография Козьмы Индикоплова, Иудейская война Иосифа Флавия, Александрия русских хронографов, Есфирь, Повесть об Акире, Девгениево деяние, Сказание о 12 снах царя Шахаиши, Песнь песней с толкованиями, Житие Андрея Юродивого, Повесть о Варлааме и Иоасафе, а также в гораздо меньшей степени Толкования Никиты Ираклийского на Слова Григория Богослова, Исход Моисея, Соломонов цикл (включая Повесть о царе Адарьяне), Толкования на апостольские Послания. Исследователи согласились с А. И. Соболевским в том, что тексты эти имеют восточнославянское происхождение. Было обнаружено также, что А. И. Соболевский ошибочно отнес к переводам оригинальную восточнославянскую композицию Повесть о царице Динаре.⁵

В 1929 г. для своих лекций по источниковедению русского языка Н. Н. Дурново также составил список русских домонгольских переводов, опираясь главным образом на работу А. И. Соболевского; были учтены и сочинения, вышедшие после ее последней публикации в 1910 г.⁶ Этот список представляет собою незначительный фрагмент лекций, его составитель фактически очень редко высказывается с определенностью о происхождении текстов, ограничиваясь перечислением существующих взглядов.

Фр. Томсон, указав на существование двух этих списков, делает заявление, что предположение о киевском происхождении переводов ошибочно. Лаконичная критика сводится к следующим пунктам.

(1) Неверно предположение, что лексика текстов устойчива. Обычно она заменяется при переписке.

(2) Суждения о лексическом составе того или иного текста надежны только тогда, когда основаны на изучении кодикологической и текстологической традиции.

(3) Невозможно уверенно выделить восточнославянские лексемы; часть названных А. И. Соболевским в качестве русизмов слов известна за пределами восточнославянских рукописей.

⁴ Ляпунов Б. М. Исследования А. И. Соболевского по истории восточнославянских языков // Академик А. И. Соболевский: Некролог и очерк научной деятельности. Л., 1930. С. 32.

⁵ Библиографию большинства работ, посвященных исследованию названных произведений, можно найти в «Словаре книжников» (Вып. 1).

⁶ Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. Вгпо, 1929; 2-е изд. М., 1969.

(4) Если восточные славяне и могли делать переводы, то только за пределами Руси, в Константинополе, на Афоне.

(5) Восточные славяне не знали греческого языка, иначе они не цитировали бы отцов Церкви по славянским переводам, но обращались бы также и к греческим оригиналам.

Затем Фр. Томсон предлагает каталог из семидесяти номеров, в котором перечислены предполагаемые восточнославянские переводы киевской эпохи. По каждому из текстов приводится библиографическая информация и выносится вердикт: «не восточнославянский перевод», «не доказано, что восточнославянский перевод». По нескольким текстам высказано собственное мнение о их происхождении, впрочем, без какой-либо аргументации.

Три первых замечания Фр. Томсона справедливы, и они, конечно, не новость в науке. Уже в 1930 г. М. Г. Долобко писал: «Алексей Иванович отдавал себе полный отчет во всех тех трудностях, которые сопряжены с методом словарного разрешения вопроса о происхождении перевода. То, что дано им, дано как решение в первом приближении, и не его вина, если исследователи слишком слепо следуют за этим предварительным наброском. Набросок же этот несомненно нуждается в поправках. Нельзя согласиться с Алексеем Ивановичем, что за русский перевод будут говорить такие слова, как: *кожухъ, клий* (клей), *кашель, дыня, сабля, рѣшето, кыдати, корыто, дятель, приставъ, щенята*, ибо все эти слова — общеславянские; не только русскими окажутся: *уранитися* ‘рано встать’ — скорее даже сербское, *стеркъ* ‘аист’ — и южнославянское (в том числе в глоссе в Синайской псалтыри). Вызовет возражение признание русским перевода Повести о царе Адарьяне по списку XV в. на основании трех слов: *нелюбие, поклад и выступити*. Говорю это не для того, чтобы набросить тень на неподдающиеся опорочению словарные работы Алексея Ивановича, а исключительно для того, чтобы подчеркнуть предварительность его выводов, полученных на словарных материалах. Несомненно это обстоятельство (конечно, в числе других) и привело его к мысли об организации Академической Комиссии по собиранию словарных материалов по древнерусскому языку».⁷

Коренная ошибка Фр. Томсона, его *proteron pseudon* заключается в том, что в своей полемике он довольствовался критикой положений А. И. Соболевского и не коснулся тех методических принципов, которые легли в основу выполненных после А. И. Соболевского исследований в области восточнославянской переводной письменности. Нужно с полной определенностью подчеркнуть, что никто из последующих исследователей вопроса не ограничился в своей аргументации ссылками на авторитет А. И. Соболевского, каждый пришел к своему выводу путем честного научного исследования выбранного источника. Почти все эти работы основаны на широком охвате текстологической традиции и анализе литературной истории изучаемых произведений. Примененный Фр. Томсоном способ освещения проблемы совершенно порочен: он критикует А. И. Соболевского за известные методологические недостатки, другие работы не анализирует, словно они не дают ничего нового сравнительно со статьей А. И. Соболевского. Взяв в качестве эпиграфа к своей работе слова «историки повторяют друг друга» («*historians repeat each other*»), Фр. Томсон прямо утверждает, что история изучения переводной письменности у восточных славян не выходит за пределы механического повторения суждений А. И. Соболевского. Но это

⁷ Долобко М. Г. Труды А. И. Соболевского в области старославянского языка и письменности // Академик А. И. Соболевский: Некролог и очерк научной деятельности. Л., 1930. С. 53.

неправда. В работе такого рода следовало рассмотреть по существу ту дискуссию о лингвистических признаках восточнославянских текстов, которая развернулась в 20-е гг. текущего столетия и в которой приняли участие многие выдающиеся слависты: В. М. Истрин, Н. Н. Дурново, П. Л. Лавров, Милош Вейнгарт, В. Розов.⁸ О лингвистическом критерии тогда было сказано много нового. Нет возможности на таком фоне признать научными те лапидарные вердикты, которые Фр. Томсон выносит при упоминании отдельных произведений. Можно было бы понять появление такой работы в 1910 г., до того как начали выходить в свет исследования отдельных произведений, включенных в список А. И. Соболевского, но сегодня она выглядит анахронизмом и не достигает той научной цели, к которой, по всей видимости, стремится автор. По вопросу о восточнославянских переводах киевской эпохи здесь не сказано ничего такого, что меняло бы сложившееся на сегодня положение дел.

В четвертом пункте своей аргументации Фр. Томсон допускает, что восточные славяне могли переводить за пределами Руси. Нужно думать, что и в этом случае необходимы какие-то филологические критерии, чтобы распознать эти переводы. Идеи А. И. Соболевского в принципе приложимы и к таким переводам, которые выполнены за пределами Руси, ибо значимость представляют те языковые черты, которые выдают в переводчике восточного славянина, и те историко-литературные характеристики, в которых отражается специфическая судьба текста. Соглашаясь с возможностью перевода текста за пределами Руси, Фр. Томсон должен согласиться с принципиальной возможностью самого наличия восточнославянских переводов. Между тем весь его каталог служит отрицанием такой возможности. Лишь для двух текстов он как бы допускает афонское или константинопольское их происхождение, в котором принимали участие восточные славяне, но наличие лексических русизмов весьма неожиданно относит на счет сербов, которые, пожив в русской среде, усвоили русские языковые навыки (№ 19, 23 каталога: Эвергетский устав и Сербская кормчая). В этом заключено второе внутреннее противоречие данной статьи: неясно, зачем сделано допущение, которое ничему не служит и ни к чему не ведет.

Впрочем, принципиальная возможность или невозможность какого-то явления менее всего может служить темой исследования такой описательной науки, как филология. Нас, конечно, интересует реальная историческая действительность. Допуская, что восточные славяне могли знать греческий язык, находясь за пределами Руси, нужно допускать, что, и возвращаясь домой, они не теряли свои знания и могли их использовать. В сборнике XIII в. против толкования псалтырных стихов на тему Ливана имеется следующая маргиналия: «То же ми сказа попинъ грѣческии в Сулуни, аз же бѣх купить много ливана в Иерусолимѣ и, то слышавъ, разсыпах и здѣ, пришед, сказахъ» (РГБ, ф. ОИДР, № 171, л. 20 об.).⁹ Именно эта рукопись содержит толковый перевод Песни песней, который, по моему мнению, был переведен у восточных славян. Эта же запись воспроизведена в сборнике XV в. (РГАДА, ф. 181, № 478, л. 533 об.), где к ней добавлены два слова: «Георгию князю», что, по-видимому, отражает ее первоначальную форму. Ясно, что автор этих слов знал греческий язык. А. И. Соболевский

⁸ Спор шел о Хронике Георгия Амартола, обзор его см.: Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978. С. 75—76.

⁹ См.: Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 154—196. Об этой записи говорится на с. 155, примеч. 5 и с. 182, примеч. 67.

считал его паломником.¹⁰ Но даже если он был купцом, закупавшим ладан, язык записи отражает навыки образованного человека, о том же говорит ее присутствие рядом с отрывком из толкований на Псалтырь. Афанасий Никитин после своих странствий взялся за перо, это же мог сделать любой другой купец на два-три столетия раньше. К тому же нам известны имена действительных паломников на Восток, но конечно мы знаем не всех. Любой из них мог подвизаться на поприще письменного перевода. При знании разговорного греческого языка, *димотики*, получить некоторый навык в языке книжном не составляло большого труда, даже сегодня этот путь обучения можно считать более эффективным, чем принятый в школьной практике Европы метод исключительного изучения аттического стиля.

Невозможно допустить ту метафизическую картину, которую нам предлагает воображение Фр. Томсона, полного отсутствия культурного общения между восточнославянскими землями и Византией. Сорок—пятьдесят переводов, которые могли быть выполнены силами или на землях восточных славян в течение 250—300 лет киевской (домонгольской) эпохи, совсем немного, если сравнивать чуть ли не с сотнями переводов, изготовленных в Болгарии всего за одно первое столетие христианской письменности там. Заметное развитие в это время оригинальной литературы у восточных славян хотя и может вызвать предположение о сравнительно слабом влиянии культурного центра, но все ж не навязывает мысли о полном отсутствии такого влияния.

При исследовании толкового перевода Песни песней я обнаружил, что один из переводчиков плохо знал греческий язык, как правило, оригинал он переводил неверно. На основании нескольких филологических наблюдений я высказал предположение, что этот переводчик был учеником.¹¹ Не думаю, чтобы в Болгарии кто-либо со столь поверхностным знанием греческого языка мог браться за дело перевода, когда вокруг не было недостатка в лицах, равно владевших двумя языками (билингвах), и чтобы этот далекий от совершенства опыт был увековечен в условиях преобладающего культурного билингвизма. Эта ситуация больше напоминает условия Руси, где могла возникать необходимость обучаться греческому языку у учителя. Сходное распределение хорошо и плохо переведенных пассажей мы видим в Варлааме и Иоасафе, Толковом апостоле, Толковом евангелии, в Хронике Георгия Амартола. Не исключено, что в этих случаях мастерами были южные славяне, а учениками — восточные славяне: такое распределение ролей хорошо объясняло бы наличие южнославянских и восточнославянских языковых черт в этих текстах. Но в толковом переводе Песни песней южнославянских черт не больше, чем у Кирилла Туровского, там и мастер был восточным славянином.

К наиболее темным переводам из числа названных А. И. Соболевским относится Студийский устав. Исторические обстоятельства его появления изложены дважды: *летопись* под 1051 г. сообщает, что устав принес в Киев монах Студийского монастыря Михаил, сопровождавший митрополита Георгия грек. В Киеве его и перевели. Житие Феодосия говорит о том, что Феодосий послал одного из монахов в Константинополь к некоему Ефрему, тоже русскому монаху и даже писателю,¹² чтобы скопировать устав. Можно думать, что в Киев прибыл уже готовый перевод. Впрочем,

¹⁰ Соболевский А. И. Неизвестный русский паломник // ИОРЯС 1911 Т. 16, кн. 1 С. 5—7

¹¹ Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XII в. С. 171—174

¹² Творогов О. В. Ефрем // Словарь книжников. Вып. 1 С. 125—126

Печерский патерик совмещает обе версии в один рассказ.¹³ Перед нами редкий для славистики случай, когда исторические свидетельства и наличный филологический материал находятся в согласии. Но Фр. Томсон статью о Студийском уставе заканчивает в своем каталоге следующими словами: «присутствие немногих восточнославянских элементов... не оправдывает утверждений, что перевод сделан в Киевской Руси» (С. 322).

Допуская возможность выполнения восточнославянских переводов за пределами Руси, нужно понимать, что у них должна быть особая литературная судьба, ибо в этом случае они получают раннюю известность на славянском юге. Не этим ли объясняется история Пандект Никона Черногорца, Кормчей Саввы Сербского, полного Евангельского апракоса (который возник, безусловно, в Болгарии в X в., но прошел через Русь обратно на славянский юг), возможно, каких-то других произведений? Во всяком случае, одно допущение влечет за собою другое; мне кажется, что Фр. Томсон не придал этому обстоятельству внимания, какого оно заслуживает.

На фоне суровой критики, которой Фр. Томсон подвергает труды русских ученых, поражает легкость, с какой он принимает выводы проф. Г. Г. Ланта из Гарварда по поводу летописной записи 1037 г. о том, что при Ярославе на Руси выполнялись переводы с греческого. Слова летописи «собра писцы мнози и прекладаша от грекъ на словѣньское писмо» Г. Г. Лант считает «безнадежно испорченными».¹⁴ Это весьма удивительное мнение: и грамматика, и лексика пассажа вполне понятны, никаких лингвистических и филологических проблем тут нет. Свидетельство Жития Мефодия о том, что он перевел целиком Библию, никто никогда не считал «безнадежно испорченным». Одни полагали, что это сообщение исторически недостоверно, другие — что перевод Мефодия утерян. Между тем обследование материала показывает, что сообщение это достоверно и что перевод Мефодия частично сохранился. Благоразумие требует, чтобы и в данном случае мы поступали сходным образом, т. е. либо предполагали историческую недостоверность, если результаты обследования материала не подтверждают сообщения, либо утерю предполагаемых переводов, либо дожидались результатов исследования материала, если не в состоянии заняться этим сами. Г. Г. Лант на месте совершенно ясного пассажа, который имеет вполне приемлемую лингвистическую форму, выстраивает поистине туры на колеса: речь, дескать, идет о транслитерации из глаголицы в кириллицу, которую осуществили тогда писцы в Киеве с рукописями, доставленными из Болгарии (С. 263, примеч. 28). Для того, чтобы согласиться с Г. Г. Лантом, нужно принять слишком много филологических натяжек в истолковании данного пассажа, а кроме того, отказаться от совершенно достоверных сведений о том, что почти все прибывшие на Русь из Болгарии книги были уже *транслитерированы* в кириллицу, многие из них и возникли с самого начала как кириллические тексты. Это положение безусловно справедливо в отношении основной массы *литургических* книг, необходимость в тиражировании которых в первый период письменности должна была стоять на Руси особенно остро.

Что касается, наконец, знания греческого языка у восточных славян, то при рассмотрении этого вопроса нельзя ограничиваться тем материалом, которым ограничил себя Фр. Томсон, — цитатами из отцов Церкви у вос-

¹³ Момина М. А. Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. Л., 1992. Т. 45. С. 207.

¹⁴ Lunt H. On Interpreting the Russian Primary Chronicle: the Year 1073 // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. 32. P. 258.

точнославянских авторов. В лучшем случае Фр. Томсон доказал только то, что эти лица переводчиками не были, а дальнейшие умозаключения основал на *argumentum ex silentio*, что, конечно, недопустимо. К тому же дело осложняется тем, что один из немногих обследованных авторов, именно митрополит Иларион, в эту схему не укладывается (он цитирует и те источники, которые неизвестны в славянском переводе), не приведены также соответствующие сведения о южнославянских авторах XI—XIII вв. Как я уже отмечал, истинный результат работы Фр. Томсона по обследованию цитат в сочинениях восточнославянских писателей заключается в доказательстве того, что церковнославянский язык был общим литературным языком всех славян.¹⁵ Как и их современники в Западной Европе, довольствовавшиеся исключительно латынью, восточнославянские авторы не имели нужды обращаться непосредственно к греческим источникам. Сам же вопрос о знании языков относится к сфере социолингвистики, он должен решаться на более широком историческом и культурном фоне. Нужно принять во внимание и торговые контакты, и историю церковной иерархии, и доступные сведения по организации обучения языкам. При правильной постановке этого вопроса результаты получаются другие, чем у Фр. Томсона.¹⁶ Действительно, знание греческого языка на Руси было мало распространено сравнительно с Болгарией, потому список А. И. Соболевского возможных восточнославянских переводов так скромнен в своих размерах. Но и в этом случае он не может игнорироваться.

Стоит привести для примера образцы суждений Фр. Томсона по отдельным текстам.

Как известно, по поводу Хроники Георгия Амартола в науке высказано два взгляда: (а) это болгарский перевод, отредактированный в Киеве, (б) это киевский перевод с возможным участием болгар. Фр. Томсон не признает ни того, ни другого (№ 50 его каталога)!

Апокрифический цикл Суды Соломона и Соломон и Китоврас он объявляет оригинальной славянской композицией (№ 42, 43), как если бы ничего не было известно о талмудических сюжетах, отраженных в них, о распространенности легенд о Соломоне и Асмодее в европейских литературах.¹⁷ Если даже Суды и были собраны в одно целое у славян, то каждая из частей все же появилась в результате перевода.

Вслед за Э. Турдяну он принимает, что апокрифический Исход Моисея был переведен в Новгороде в конце XV в.,¹⁸ не придавая никакого значения иным точкам зрения. Между тем Фр. Томсон как славист должен был бы все-таки понимать, что Э. Турдяну, гость в славистике, просто не знал мнения А. И. Соболевского о древнем происхождении текста, наблюдений М. Н. Сперанского о том, что апокриф был в руках Пахомия Логофета уже до 1443 г.,¹⁹ что никаких переводов новгородских еретиков XV в. не существует, что никаких черт новгородской речи в этом произведении не обнаруживается.

¹⁵ Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XII в. С. 189.

¹⁶ См., например, работу, на которую ссылается и сам Фр. Томсон: Hösche E. Griechischkenntnis im Alten Russland // Serta Slavica in memoriam A. Schmaus. München, 1971. S. 250—260.

¹⁷ Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине // Собр. соч. Сер. 3. Пг.; Л., 1921—1930. Т. 1, вып. 1—2.

¹⁸ Tourdeanu E. La Chronique de Moïse en Russe // Revue des études slaves. 1967. Vol. 46. P. 35—64.

¹⁹ Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 142, 145.

Истории Иудейской войны Иосифа Флавия посвящены следующие строки: «Представление о том, что перевод сделан в Киевской Руси, разделяется многими учеными, и действительно, стилистически он отличается от других переводов своей свободой и приемами драматизации изложения. Если рассматривать это как характерный для восточных славян подход к переводу, это будет значить, что других восточнославянских переводов не существовало. Однако не доказано положение о том, что такой перевод является восточнославянским. Многие из якобы восточнославянских лексических элементов известны также южным славянам, другие можно объяснять как поздние вставки особенно ввиду того, что рукописная традиция начинается с XV в.» (С. 340—341).

Нельзя рассчитывать, что такого рода аргументация покажется убедительной такому читателю, который знаком с литературой вопроса. Иудейская война один из немногих текстов, в отношении которого никто и никогда не высказывал иного мнения, кроме того, что перевод выполнен в Древней Руси. Восточнославянский языковой пласт в тексте чрезвычайно обилен, перечень его занимает в исследовании Н. А. Мещерского с. 91—96,²⁰ многие из восточнославянизмов восходят к архетипу, как это видно по текстологическому исследованию. Для того чтобы объяснить те или иные лингвистические элементы текста как поздние вставки, мало только желания, для этого нужны научные основания. Наконец, и по своей стилистике перевод не является изолированным, сходные приемы отмечены в переводе толкований на Песнь песней.²¹

Заявив о необходимости текстологического исследования как неременном предварительном условии правильного лингвистического анализа, Фр. Томсон больше уже не обращается к этой мысли. Вот что, например, говорит он о Толковом переводе Песни песней: утверждение, что перевод был сделан в Киевской Руси, «противоречит лингвистическим свидетельствам, которые указывают, что катены были переведены в Болгарии в X веке» (С. 312), при этом следует ссылка на работу Г. Г. Ланта, в которой высказаны такого рода соображения.²² Смысл критики Г. Г. Ланта сводился к следующему: приведенные в исследовании толкового перевода лингвистические факты не являются достаточным доказательством того, что перевод сделан не в Болгарии, где на протяжении X в. появились толковые переводы большинства других библейских книг. Г. Г. Лант не мог привести *свидетельств* того, что перевод сделан в Болгарии, не выходя за пределы того материала, который приведен в моем исследовании этого толкового перевода, и Г. Г. Лант за пределы этого материала не вышел. Статья его представляет собою только рецензию, она не вводит ни одного нового источника. В своем ответе Г. Г. Ланту я показал, что мои выводы основаны не только на лингвистических данных и не столько на них. Тяжесть доказательства несут: 1) текстологическое исследование, которое с полной надежностью позволяет реконструировать архетип текста XII в., и 2) литературная история текста, которая тесно связана с восточнославянским литературным окружением того же XII в. от Климента Смолятича до Даниила Заточника. Лингвистические данные не противоречат этому выводу, они, однако, *подтверждают* его, поскольку несколько слов с полногласием находилось уже

²⁰ Мещерский Н. А. История «Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе М., Л. 1958

²¹ Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XII в. С. 171

²² Lunt H. G. The OCS Song of Songs. One Translation or Two? // Die Welt der Slaven 1985 Bd 30/2 S. 279—318

в архетипе текста.²³ Вероятно, ознакомившись с моими аргументами 1986 г., Фр. Томсон замечает, что они «не согласуются с лингвистическими данными» (С. 312, примеч. 97). Складывается впечатление, что при отсутствии опыта работы с рукописным материалом, при отсутствии навыка в решении текстологических задач Фр. Томсон упоминает о их значимости только понаслышке, но в действительности всерьез к этому не относится. Точно так же, например, он не придает никакого значения текстологическому и историко-литературному исследованию Варлаама и Иоасафа (№ 32),²⁴ потому что ожидает только лингвистических доказательств. Однако нужно помнить, что славистика не располагает лингвистическими данными, которые могли бы перевесить в споре с текстологией, не вижу возможности сделать исключения в этом случае ни для Г. Г. Ланта, ни для Фр. Томсона. Задача состоит в том, чтобы придать надежность лингвистическому критерию на основе текстологического исследования славянских рукописей. Эта работа находится еще в своем начале.

Нужно прямо сказать, что вовсе не лингвистические основания заставляют нас признавать восточнославянское происхождение за оригинальными текстами, тут доказательной силой обладает, конечно, содержание. Так, в Слове митрополита Илариона диагностирующим пассажем является похвала *кагану Владимиру*, тогда как рассуждение о *законе и благодати* может в принципе иметь и южнославянское происхождение. Восточнославянские лингвистические черты этого Слова совершенно ничтожны, лишь некоторые списки сохранили редкие морфологические приметы восточнославянского происхождения текста, среди них нет ни одной лексемы. Это значит, что восточнославянские по происхождению тексты могут иметь очень мало локальных лингвистических черт, более значимо в них отсутствие определенных указаний на южнославянское происхождение.

Фактически, однако, Фр. Томсон проявляет полное равнодушие и к лингвистическим фактам. Так, он находит возможным утверждать, что Иосиппон переведен в XV в. в Литве (№ 93), что Есфирь переведена в Сербии (№ 1), и т. п. В последнем случае он ссылается по крайней мере на мнение М. Альтбауэра и М. Таубе, которые первоначально действительно держались такой точки зрения,²⁵ затем М. Таубе присоединился к Г. Г. Ланту и согласился с русским происхождением перевода.²⁶ Но этого Фр. Томсон предпочел не заметить и приписал Г. Г. Ланту чуждый ему взгляд (С. 309, примеч. 77).

Тезис о том, что лексика текстов заменяется при копировании, Фр. Томсон использует часто и в тех именно случаях, когда присутствие восточнославянских лексем в рукописях не вызывает сомнений (ср. приведенное выше суждение о Иудейской войне). Такими аргументами можно пользоваться лишь в том случае, если они основаны на данных текстологического характера, на литературной истории текста. Иначе они превращаются в универсальную отмычку, становятся жупелом. Действительно, мы сравнительно немало знаем о *стилистических редакциях*, которые сопровождалась значительной сменой лексики и были характерны в основном

²³ Alexeev A. A. Der Stellenwert der Textologie bei der Erforschung altkirchenslavischer Übersetzungstexte // Ibid 1986 Bd 31/2 S 415—438

²⁴ Лебедева И. Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. Л., 1985

²⁵ Altbauer M., Taube M. The Slavonic Book of Esther. When, Where and from What Language was It Translated? // Harvard Ukrainian Studies 1984 Vol 8, N 3/4 P 304—320

²⁶ Lunt H. G., Taube M. Early East Slav Translations from Hebrew? // Russian Linguistics 1988 Vol 12 P 147—188

для текстов оригинального происхождения с *открытой текстологической традицией*. Для подавляющего большинства переводных текстов у славян характерна либо *закрытая текстологическая традиция*, при которой какие бы то ни было перемены проникают в текст только помимо намерений писца, как результат небрежного копирования, либо *контролируемая текстологическая традиция*, для которой характерна переписка по двум-трем оригиналам одновременно, что ведет к лексической и другого рода лингвистической вариантности. И в том и в другом случае замена полноточных лексем практикуется очень мало. Таким образом, Фр. Томсон переносит на переводные тексты те особенности копирования, которые характерны для *открытой текстологической традиции* и для оригинальной славянской письменности. Сколько-нибудь заметное обновление лексики в переводном тексте является результатом редактуры, которая не может быть проведена без использования оригинала. Таким образом, необходимо считаться с возможностью того, что болгарский по происхождению текст, если в нем заметны лексические русизмы, прошел не только через руки восточнославянских переписчиков, но должен был побывать в руках и у восточнославянских редакторов. Отличить *перевод* от *редактуры* невозможно: в том и другом случае используется иноязычный оригинал и работа носит принципиально тождественный характер. Единственно существующие научные данные об интенсивности лексических замен при переписке и редактировании переводных текстов таковы: при переписке текстов лишь 5% текстовых перестроек приходится на замену одного синонима другим, при редактировании на это уже приходится не менее 10% от общего числа перестроек в тексте.²⁷

У этого вопроса есть и другая сторона: качество замен. Сознание языковой нормы существовало у средневековых писателей и переписчиков, это не вызывает сомнений. Для восточнославянских книжников на всем протяжении восточнославянской письменности было характерно стремление использовать южнославянские лингвистические формы как основу письменной-литературной нормы, отступления носили вынужденный характер. К восточнославянским формам *не стремились*, их *терпели* за невозможностью подобрать соответствующую южнославянскую форму. Во всей своей полноте этот вопрос вставал при создании оригинальных произведений и возникал совершенно случайно при копировании южнославянских текстов. В имевших широкое хождение Толковых пророках, списках Иова, Апокалипсиса, Пятикнижия и др. восточнославянское участие обнаруживается только орфографией. Бесконечное разнообразие вариантов в списках Евангелия не позволяет выделить каких-либо «русификаторских» тенденций. Там, где имелись южнославянские образцы, восточнославянские книжники действовали в согласии с этими образцами, например, тексты Борисоглебского цикла сравнительно свободны от русизмов. Где не было южнославянских образцов, обилие русизмов становится особенно заметно, например, в летописи. Следовательно, присутствие восточнославянских лексических элементов в языке переводных текстов не может рассматриваться как что-то совершенно естественное, само собою разумеющееся. Внимательному исследователю оно говорит о том, что текст либо переведен восточными славянами, либо редактировался ими. Например, в Есфири мы видим такие строевые элементы, как *абы*, *ать*, *лапъ* «еще», *чему* «почему», *оуне* «о» (предлог), предположение о том, что их внесли восточнославянские переписчики

²⁷ Алексеев А. А. Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI—XVII вв. // Русистика сегодня. М., 1988. С. 205—208.

южнославянского оригинала, совершенно неосновательно (С. 309). Ни в одном уголке славянского мира книжники не занимались сознательной провинциализацией текста. Достаточным свидетельством того служат формы, в каких проявлялось на Руси второе южнославянское влияние.

«Классическим примером» изучения «полной кодикологической и текстологической традиции» служит для Фр. Томсона работа Румяны Павловой, посвященная Пандектам Никона Черногорца (С. 300, 323).²⁸ Р. Павлова обнаружила два списка Пандект (речь идет о первом, древнем переводе, который мы вслед за И. И. Срезневским считаем восточнославянским), которые при сербской орфографии не знают двух ярких восточнославянизмов — *въверица* и *рѣзана*. В результате этого наблюдения Р. Павлова считает возможным с осторожностью говорить о болгарском происхождении текста, сохранившегося в русских и сербских списках. Фр. Томсон в своем энтузиазме придает этому мало обоснованному предположению значение классически стройного доказательства. Однако Р. Павлова оставила без объяснений слишком много вопросов.

Во-первых, вслед за А. И. Соболевским в тексте Пандект Р. Павлова насчитывает 23 слова и выражения, которые признает достоверными восточнославянизмами, это: *гривна*, *жньчюгъ*, *ларь*, *шелкъ*, *медуша*, *укропъ* и др. Из ее работы, однако, мы ничего не узнаем о том, что стало с ними в сербских списках.

Во-вторых, почему нужно считать, что слово *мѣдъница*, употребленное в сербском списке на месте слова *въверица*, свидетельствует о сербском или болгарском происхождении Пандект? Слово *мѣдъница* хорошо известно восточнославянской письменности, оно встречается в другом месте и в самом тексте Пандект, его употребляет Кирилл Туровский и другие восточнославянские авторы (см. в *Материалах* Срезневского, здесь цитата из Пандект приведена, по всей вероятности, по списку XIV в. собр. Чудова монастыря, № 16, л. 14). На мой взгляд, именно слово *мѣдъница* является вторичным в тексте, ибо оно более нормативно, шире распространено и общезвестно. Напротив, *въверица*, будучи локальным провинциализмом, могло быть легко изгнано даже в самой восточнославянской среде. Стоит обратить внимание на чрезвычайную текстовую близость русских списков и сербского списка (несколько пассажей приведено в работе Р. Павловой). Если бы они восходили к общему болгарскому архетипу, их разделяла бы долгая текстовая история и сходство их не было бы столь разительно.

В-третьих, слово *рѣзана* русских списков вовсе не заменяется словом *мѣдъница* в сербском списке, как по ошибке утверждает Р. Павлова (С. 105), а за ней повторяет Фр. Томсон (С. 323, примеч. 169). В действительности в сербском списке на этом месте находится числительное *триста* (см. в публикации текста у Р. Павловой, с. 107). Вполне очевидно, что числительное это никоим образом не могло быть при переписке заменено на *рѣзана*, замена могла идти только в противоположном направлении. Перед нами рационалистическая конъектура по догадке, по общему смыслу, сделанная без обращения к греческому оригиналу, где речь идет о каких-то конкретных денежных единицах типа *νομίσμα*, *φόλλις*. Еще на одно важное место в тексте, которому не придавала значения Р. Павлова (С. 106), любезно указала мне А. А. Пичхадзе. Числительному 20 сербского списка, обозначенному, как обычно, буквой *како* под титлом, в русских списках соответствует написание *десять десять* и оно между тем точно передает греч. *δέκα δέκα*,

²⁸ Павлова Р. Пандекты Никона Черногорца в славянской письменности // Славянская филология. София, 1988. Т. 19. С. 99—116.

которое читается в списке XIV в. Парижской национальной библиотеки Coislin. 122.²⁹ Греческое выражение имеет значение «по десять», что отвечает смыслу данного места и чего не передает буквальный славянский перевод. Вот тут мы сталкиваемся с совершенно ясным доказательством того, что текст русских списков первичен по отношению к тексту сербских списков.

Наконец, Фр. Томсон применяет еще один способ аргументации, когда дело касается восточнославянских лексических элементов: их количественную оценку. О тех или иных текстах он говорит, что восточнославянских лексем в них *мало* (это по его каталогу № 5, 14, 15, 16, 21, 23, 29, 48, 51, 56, 57, 58, 59, 60, 65, 67, 68). Он не разворачивает своей аргументации, но она основана на здравом смысле и потому понятна: чем меньше восточнославянских лексем, тем вероятнее их случайное, т. е. при переписке, проникновение в текст южнославянского происхождения. Однако здравый смысл все же не является единственным способом исследования научных вопросов. Допустим, что этих восточнославянизмов мало. Но на месте каких первичных южнославянских лексем текста они находятся? Такого рода аргументация приобретает известную силу лишь в том случае, если мы можем ответить на этот вопрос, иначе нет смысла ставить под сомнение наблюдаемые факты и противопоставлять им доводы, основанные исключительно на догадках. Как я уже говорил, наличие восточнославянской лексики значимо лишь тогда, когда оно согласуется с историей текста, но в этом случае достаточно одного надежно установленного чтения, чтобы признать достоверным вывод о происхождении текста.

Например, в исследовании истории литургических книг, а именно служебных Триодей, М. А. Момина выделила киевскую редакцию XI в. Ее появление она связывает с деятельностью основателей Печерского монастыря и введением богослужебного устава патриарха Алексея, доставленного в Киев из Студийского монастыря в Константинополе, т. е. с той совокупностью исторических фактов, которым Фр. Томсон не придает никакого значения (см. выше). Редакция эта неизвестна южнославянским по происхождению рукописям, но отразилась в определенной группе русских списков Триоди и засвидетельствована литургическими цитатами в некоторых восточнославянских оригинальных произведениях. Эти историко-литературные и историко-текстологические соображения подкреплены одним лингвистическим аргументом: греч. *βασιλεῖς* переведено в этой редакции славянским *князь* вместо обычного *царь*, *царь*, как переводили в Болгарии, где слав. *князь* выступало соответствием греч. *ἄρχων*.³⁰ Эта лингвистическая особенность редакции может быть объяснена только из восточнославянской политической ситуации, где лицо, стоявшее во главе государства, носило титул князя. Таким образом, количество восточнославянизмов само по себе irrelevantно, значимы качество их и текстологически установленная достоверность присутствия в архетипе.

Можно было бы не удивляться тому, что при обширности круга вопросов, затронутых в этой работе Фр. Томсона, не вся аргументация убедительна, однако ее предвзятость, о чем приходится все время говорить, не может остаться незамеченной. Осторожным гипотезам своих единомышленников он придает значение достоверных фактов, что едва ли будет принято ими с благодарностью. Основательные исследования оппонентов он зачеркивает

²⁹ Эта греческая рукопись использована в «Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.)» для оценки славянского перевода Пандект. См. в списке источников «Словаря» (М., 1988. Т. 1, С. 61).

³⁰ Момина М. А. Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг... С. 217.

одной фразой, за что едва ли будет благодарен ему введенный в заблуждение читатель. Невысокий уровень дискуссии ясно говорит о том, что Фр. Томсон руководствуется «не чисто академическими интересами» (используя его собственные слова, с. 299). Попытаемся выяснить их.

Нынче мода на культурологию. Мало быть лингвистом, филологом, литературоведом, нужно *объяснять, толковать, интерпретировать* смысл культуры, культурных форм, их историю. Едва ли кому придет в голову в небольшой статье попутно с каким-нибудь специальным вопросом объяснить смысл болгарской, сербской или английской истории и культуры, но уже полтора столетия мало кто отказывает себе в удовольствии походя объяснить русскую культуру и русскую историю. Иногда это делается с применением специального понятийного аппарата, но часто и без него. В своем докладе на съезде славистов в Загребе в 1978 г. Фр. Томсон очень убедительно описал характер переводной литературы у славян: за первые три века славянской письменности была переведена средняя монастырская библиотека.³¹ Вывод этот был сделан следующим образом: составлен каталог славянских переводов и сопоставлен затем с каталогом греческой монастырской библиотеки начала XIII в.³² Если учесть, что над этим вопросом без видимого успеха бились В. М. Истрин, М. Н. Сперанский, И. П. Еремин, Н. А. Мещерский,³³ достижение Фр. Томсона вызывает восхищение. Дело, однако, испорчено тем, что к докладу оказался приделан неожиданный эпилог, в котором русская культура до эпохи Петра объявлена застойной. Возникло даже сомнение в том, понимал ли сам автор значение своей работы. На следующем съезде в Киеве в 1983 г. отсутствие непереведенных греческих источников у восточнославянских авторов Фр. Томсон оценил как свидетельство невежества Киевской Руси, т. е. проявление все той же застойной природы.³⁴ Очевидно, что этой же цели служит и рецензируемая работа: неаккуратность и беглость аргументации вместе с хлестким публицистическим заголовком ставят под сомнение «академические интересы» автора. Такая «культурология», исполненная профетического пафоса, лишь отрицательным знаком отличается от нескромного патристического самовосхваления, которого мы были здесь печальные свидетели в середине уходящего столетия.

Культура не может быть определена только по характеру переводов, по их интенсивности. Расцвет оригинальной русской литературы в середине и второй половине прошлого столетия сочетался с отсутствием скольких-нибудь серьезных достижений в деле перевода. Причины ясны: большая часть образованного общества обращалась к оригиналам, в переводах не нуждалась. Но расцвет художественного перевода в XX в. свидетельствует не только о слабом знании иностранных языков в русском обществе после революции, он также отражает новое понимание смысла переводческой работы, места перевода в культуре и литературе, к чему впервые в теоретическом плане было привлечено у нас внимание В. Брюсовым.

³¹ Thomson Fr. J. The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and Its Implications for Russian Culture // Slavica Gandensia. 1978. Vol 5. P. 107—139.

³² Diehl C. Le trésor et la bibliothèque de Patmos au commencement du 13e siècle // Byzantinische Zeitschrift. 1892. Bd 1. S. 488—526.

³³ См.: Творогов О. В. Свое и чужое: Переводные и оригинальные памятники в древнерусских сборниках XII—XIV веков // РЛ. 1988. № 3. С. 135.

³⁴ Thomson F. Quotations of Patristic and Byzantine Works by Early Russian Authors as an Indication of the Cultural Level of Kievan Russia // Slavica Gandensia. 1983. Vol. 10. P. 65—102.

Расцвет переводческого дела в первой половине X в. в Болгарии не столько зависит от обилия просвещенных билингвов, сколько связан с потребностями организации «национальной» церкви на местном языке. Во всяком случае своим размахом переводческая деятельность в эту первую эпоху превосходит результаты переводчиков в Болгарии в последующие столетия, когда едва ли двуязычных лиц было меньше. Однако и в Болгарии при всем ее превосходстве над Русью в деле перевода с греческого никогда просвещение не зашло так далеко, чтобы возникло светское образование, способное впитать в себя наследие античности и привести к возникновению университетов. Следовательно, мы не можем вместе с Фр. Томсоном придавать столь решающее значение переводческому делу в качестве показателя культурного уровня общества: наличие или отсутствие переводов по существу ничего не меняет. Мы стоим перед бесспорным историческим фактом, что христианская культура Средиземноморья утвердилась у православных славян от Белого (Эгейского) моря на юге до Белого моря на севере в своем монашеском, монастырском варианте, несмотря на то что введением христианства занимались светские власти и можно было бы ожидать иного поворота событий. Я думаю, что виной тому были местные социальные условия. Так, общественное устройство допетровской Руси представляло собою кастовую социальную структуру: положение каждого члена общества было определено его рождением и не могло быть изменено. Сообщение летописи о неудачной попытке Владимира Святого организовать на Руси светские школы мне кажется достоверным: *нарочитая чадь* не хотела, поступая в школы, переходить в церковную юрисдикцию и терять свое феодальное достоинство. Из-за отсутствия свободных лиц, не включенных в систему каст, священство у славян наследовалось по рождению, став новой разновидностью жречества. Очень скоро, однако, церковь сформировала своего рода бессловное общество, принимая к себе *изгоев* из всех каст от князя до холопа, социальной и экономической базой этого бессловного общества и стали монастыри. Этим объясняется обилие среди древнерусских авторов-монахов людей аристократического происхождения. За пределами церкви вплоть до XVII в., до образования приказного сословия, не было свободных людей, способных посвятить себя культурной работе.³⁵

Бесспорным фактом является интенсивность оригинальной литературной деятельности у восточных славян уже в киевскую эпоху. Следовательно, нельзя делать какие бы то ни было окончательные выводы о характере культуры лишь на основе тех сведений, которыми располагает историк славянской переводной письменности. Оценивая место переводной письменности в культуре восточных славян, мы конечно отдаем себе отчет в том, что христианская религиозная практика и христианская духовная жизнь были основаны на текстах переводного происхождения, что в объеме рукописного наследия количественно преобладали именно переводные тексты, что почти все необходимые тексты появились у славян еще в X в. до крещения Руси, что все эти тексты, за малым исключением, не только попали на Русь, но и сохранились здесь, что здесь, на Руси, они представляли

³⁵ Эти суждения опираются прежде всего на работы В. О. Ключевского, сжатое изложение его историко-социологических идей дано в спецкурсе «История сословий в России». См.: Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 223—391. В свете изложенного нельзя согласиться и с Д. М. Буланиным, когда в своей книге «Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв.» (München, 1991) отсутствие школ у славян он объясняет их нежеланием принять вместе с византийской школой и античное язычество. Примеры сохранения старого славянского язычества после принятия христианства, равно как усвоения язычества из Средиземноморья в эту же эпоху, слишком многочисленны.

собой образцы для оригинального литературного творчества, т. е. формировали верхнюю часть пирамиды литературных жанров. Но серьезной потребности в новых переводах не было: для отправления церковного богослужения и соблюдения канонического права было вполне достаточно тех источников, которыми Древняя Русь уже располагала, для организации светского образования социальные условия отсутствовали вплоть до XVIII в. Стоит, однако, заметить, что переводы с европейских языков были на Руси более многочисленны, чем переводы с греческого,³⁶ следовательно, в них ощущалось больше потребности. Русь была не только частью Византии, но и частью Европы.³⁷

Стремление оценить восточнославянскую культуру исключительно через переводы с греческого говорит о том, что Фр. Томсон стоит в этом случае на позиции византиниста, для которого Русь не имеет самостоятельного культурного интереса, но является только частью византийского «содружества наций», северной окраиной Византийской империи. Такой взгляд и такой подход возможны и допустимы, но нужно отдавать себе отчет в этом и не возбуждать таких вопросов, которые не могут быть правильно решены с данной позиции.

Аргументация Фр. Томсона страдает также хронологической небрежностью. В основном он оперирует сведениями о письменности XI—XIII вв., но распространяет выводы на все последующее время вплоть до эпохи Петра. Не будет новостью сказать, что эти два периода обладают историческим и культурным своеобразием, даже совпадающие их черты могут иметь разное происхождение и разный смысл. Для истории культуры и письменности период домонгольский является в большой степени общеславянским; в период московский проявляются новые черты, из которых две кажутся особенно важными в данном случае: развитие письменности в больших монастырях и активные поиски культурного взаимодействия с западными соседями. Этот хронологический диссонанс между материалом и основанными на нем выводами еще резче прозвучал в недавней статье В. Р. Федера, которая тоже ищет ответа на поставленный в 1962 г. Георгием Флоровским вопрос о причинах «интеллектуального молчания» Древней Руси.³⁸ В. Р. Федер делает обзор нескольких сборников древнего периода (Изборники 1073 и 1076 гг., Q.п.1.18 и Троицк. 12, XIII в., а также вскользь упоминает несколько других не позднее XIII в.) и обнаруживает черты случайности и хаотичности в их тематической организации. Это позволяет ему говорить о «поэтике хаоса» в литературе Древней Руси во всю допетровскую эпоху.³⁹ Между тем большая часть привлеченного материала является южнославянской по своему происхождению, она лишь сохранилась

³⁶ См.: Соболевский А. И. Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.

³⁷ Такого рода суждение Фр. Томсон высказал в своей недавней работе, посвященной культурной оценке переводов, выполненных в Московской Руси XV—XVII вв. См.: Thomson F. J. *The Corpus of Slavonic Translation Available in Muscovy: The Cause of Old Russia's Intellectual Silence and a Contributory Factor to Muscovite Cultural Autarky* // *Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 1: Slavic Cultures in the Middle Ages* / Ed. by B. Gasparov and O. Raevsky-Hughes. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1993. P. 179—214. Впрочем, суждение это вновь преподнесено как сенсация и как обличение то ли Руси, не сохранившей верности византийскому христианству, то ли славянофильствующих коллег, закрывающих на этот факт глаза.

³⁸ Florovsky G. *The Problem of Old Russian Culture* // *Slavic Review*. 1962. Vol. 21. P. 1—15.

³⁹ Veder W. R. *Old Russian «Intellectual Silence» Reconsidered* // *Medieval Russian Culture*. University of California Press, 1994. Vol. 2. P. 18—28.

в русских копиях; с другой стороны, ряд четких сборников XV—XVI вв. из Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, Соловецкого монастырей, сборники Ермолая-Еразма, Матфея Десятого демонстрируют аккуратный и сознательный подбор материалов переводного характера, да и от более ранней эпохи сохранились такие тщательно составленные компиляции, как Толковая паляя, Иудейский и Еллинский хронографы, не говоря о летописных сводах. Странно, что приходится напоминать такого рода общеизвестные факты. Они не привлекали внимания Г. Флоровского, и конечно его предствления о средневековой культуре нужно признать дилетантскими (как раз Фр. Томсон обратил на это внимание в своем удачном докладе на съезде славистов в Братиславе в сентябре 1993 г.).

В заключение я бы хотел подвести позитивный итог по вопросу о критериях, которыми следует руководствоваться при выявлении восточнославянских переводов с греческого от первоначальной эпохи письменности на Руси.⁴⁰

1) На первом месте безусловно стоит характер рукописных источников. В тех случаях, когда их текстологическое исследование позволяет надежно установить текст архетипа, выводы приобретают высокую степень достоверности. Но когда этого нет, нужно обращать внимание на следующие обстоятельства.

Преобладание в рукописной традиции восточнославянских списков при отсутствии или скудости южнославянских источников может быть значимо в том случае, если текст лишен явных черт архаичности. Таково, например, положение дел с библейскими переводами Есфири и Песни песней с толкованиями.

Отсутствие в ранних восточнославянских списках орфографических и иных лингвистических следов южнославянского антиграфа или протографа может быть значимо для поздних по происхождению текстов. Таково, например, положение дел с Толковым евангелием Феофилакта Болгарского: греческий текст создан в конце XI—начале XII в., самый ранний список перевода из коллекции Финляндских отрывков принадлежит XIII в. и является несомненно восточнославянским, он полностью лишен каких бы то ни было признаков южнославянского архетипа или антиграфа в орфографии и грамматике. Между тем в XII в. среднеболгарские лингвистические черты проявляются в текстах, созданных в Болгарии, совершенно отчетливо.

2) Черты литературной истории, свидетельствующие о тесной связи данного текста с восточнославянской оригинальной письменностью, приобретают значимость в том лишь случае, если в рукописной традиции наблюдаются отмеченные выше обстоятельства. Так, исключительно широкому применению Иудейской войны Иосифа Флавия в разного рода хронографических компиляциях у восточных славян противостоит почти полная неизвестность этого произведения южным славянам, при том что самый ранний сербский список Истории 1558 г. восходит к русскому антиграфу.⁴¹ Переводы, изготовленные на Афоне или в Константинополе, уже на ранних этапах своей истории становятся, как правило, общеславянским достоянием,

⁴⁰ Ср. отчасти сходный набор критериев для определения времени и места появления текста у О. В. Творогова: Древнерусская книжность XI—XIII веков: (о каталоге памятников) // Духовная культура славянских народов. Л., 1983. С. 13—17.

⁴¹ См.: Дуйчев И. С. Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 415—423; Ангелов Б. С. Иосиф Флавий в южнославянских литературах // Там же. 1963. Т. 19. С. 255—261; Мулич М. И. Отражение «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в древней сербской литературе // Там же. 1969. Т. 24. С. 108—111.

какому бы этническому кругу по своему происхождению они ни принадлежали.

3) Лексические восточнославянизмы, надежность которых стоит вне сомнения, не слишком многочисленны. Их употребление ограничено содержанием текста и характером языковой нормы, в соответствии с которой восточнославянские авторы стремились по возможности избегать ярких локальных черт. Поэтому рядом с ними следует принимать во внимание некоторые немногочисленные черты в грамматике (например, продленный имперфект *держажоуть* и т. п.) и фонетику с ее наиболее показательной особенностью — полногласием. Если черты эти обнаруживаются в архетипе, вывод о происхождении текста можно делать уверенно.

Церковнославянские тексты, созданные на Руси, опирались на южнославянские образцы и модели, их лингвистическую основу составляют общеславянские и южнославянские языковые элементы. Вместе с цитатами в них могли проникать также довольно редкие южнославянизмы, так что источниковедческий анализ текста должен предшествовать лингвистическому.

4) Стилистика переводного текста тождественна манере перевода. Для хороших восточнославянских переводов характерно, по данным научной литературы, свободное обращение с оригиналом, экспрессивное обогащение и драматизация изложения (т. е. разбивка монолога на риторические вопросы и ответы). Для плохих переводов характерны многочисленные ошибки чисто лингвистического происхождения: смешение омографов, слабое владение греческой полисемией, плохое понимание грамматики оригинала. В результате получается славянский текст, который мало доступен пониманию (вообще неудобопонятность текста свидетельствует обычно о том, что это не оригинальное сочинение, а перевод).

5) Исторические свидетельства о происхождении переводного текста крайне редки, так что заслуживают полного внимания. Кроме упомянутого выше свидетельства о Студийском уставе столь же не случайным должно представляться упоминание в Послании Климента Смолятича имени Никиты, епископа Ираклийского, вероятно, как автора комментариев к Григорию Богослову.

Напротив, статья летописи под 1037 г. о школе переводчиков при Ярославе не кажется достоверной, потому что нет ни одного переводного восточнославянского текста, который можно было бы уверенно отнести к первой половине XI в. Несмотря на то что рукописи, доставленные из Преслава в Киев, являлись, вне всякого сомнения, собственностью великого князя, вся литературная работа проводилась в Печерском монастыре. Участие в ней болгарских писателей, знатоков греческого языка, кажется весьма вероятным. Эта школа не пережила на Руси монгольского нашествия. Фактически переводы с греческого были возобновлены лишь Максимом Греком и продолжены в Москве киево-могилянскими учеными в середине XVII столетия.

Перечисленные критерии имеют, так сказать, вероятностный характер, но за отсутствием иных могут оказаться полезны как при исследовании отдельных произведений письменности, так и при обсуждении проблемы о восточнославянских переводах в общем виде. Понятно, что лишь исследование конкретных текстов и накопление положительных результатов позволит уточнить и сами эти критерии и разъяснить вопрос о возможных восточнославянских переводах киевской эпохи. На идеологическом уровне убедительное решение отсутствует.

Addendum. Только что увидело свет исследование Жития Андрея Юродивого, см.: Молдован А. М. 1) Критерии локализации древнеславянских переводов // Славяноведение. 1994. № 2. С. 69—80; 2) Лексика древнеславянского перевода в региональном аспекте. М., 1994. 84 с. Исследование отличается исключительно четкой методикой, безукоризненным исполнением. Доказательство древнерусского происхождения перевода основано на исторических, текстологических и лингвистических данных.

On Translating Activities in Old Russia (summary)

The article responds to F. J. Thomson's essay «Made in Russia?» (1993) that denies any translating activities in Old Russia. The present author demonstrates two principal defects of this essay: (1) ignorance of the up-to-date theoretical basis of the issue in question and (2) arbitrary interpretation of data. The author sums up criteria determining Old Russian provenance of translated texts.